

Малгожата Кондратюк

Белосток

Соотношение старославянских и древнерусских черт в Яблочинском евангелии – памятнике XVIII века

Яблочинское напрестольное евангелие – одна из древнейших старопечатных книг (не считая Супрасльского кодекса), являющаяся собственностью Православной Церкви в Польше. До сегодняшнего дня местом его хранения остается Православный мужской монастырь св. Онуфрия в деревне Яблочино (Jabłeczno)¹. К сожалению, даже самая тщательная монография² на тему истории возникновения этого монастыря не упоминает, каким образом это евангелие стало собственностью яблочинских монахов. Известно только, что памятник был напечатан «во Сѣй Кіевопечерской ЛАВРѢ, въ Ставропігѣн тогожде Сѣйшаго СѢНОДА, при Архімандритѣ ЗВѢГІМѢ: въ лѣто ѿ сотвореніа міра 3600 (7279), ѿ Рѣтва же по Плоти БѢА СЛОВА аѿоа (1771) Індікта Ѣ, Мѣа Марта»³. По 1795 г. (III раздел Польши) монастырь входил в состав киевской митрополии. Поэтому нет ничего удивительного в том, что купленное или подаренное евангелие вышло из печати киево-печерских монахов. При этом надо подчеркнуть факт, что в момент, когда возник

¹ Монастырь, основанный на реке Буг в западной части тогдашнего Великого княжества Литовского (сегодня восточная часть Польши), существовал уже в 1498 г. Толчком для его основания послужило появление иконы св. Онуфрия; шире об истории этой обители пишет прот. С. Железнякович, *История Яблочинского монастыря*, т. I–III, Варшава 1963.

² См.: прот. С. Железнякович, *История...*

³ 7279–1771=5508 из этого вытекает, что датирование проводится согласно византийской (5508), а не александрийской (5500) традиции (шире: L. Moszyński, *Wstęp do filologii słowiańskiej*, Warszawa 1984, s. 72–74).

памятник (1771 г.), киево-печерская типография уже несколько десятков лет (с 1721 г.) воспринималась как униатская⁴. Однако монастырь св. Онуфрия всегда оставался православным.

В этой статье на материале евангелия из XVIII в. рассматривается соотношение старославянских и восточнославянских фонетических явлений.

Оригинальные тексты Кирилла и Мефодия, написанные на *працерковнославянском* языке, как и оригиналы их непосредственных учеников с конца IX – начала X в. не сохранились – они были уничтожены после изгнания учеников Мефодия из Моравии. Дошедшие до нас древнейшие памятники – это младшие списки конца X и начала XI в., которые являются довольно точными копиями более древних кирилло-мефодиевских переводов. Эти книги, написанные на *древнецерковнославянском* (старославянском) языке, составляют т.н. *канон* (гр. *ὁ κανὼν, ὁ νόμος* «образец, норма»; лат. *canon, -nis* «сборник главных книг священного писания»)⁵. Нам известно о пятнадцати таких рукописях⁶.

Очень рано, уже в XI в., в тексты старославянского языка начинают проникать некоторые особенности живого русского языка. Столкновение такого разговорного языка, основанного на народной восточнославянской почве, с пришедшим старославянским (древнеболгарским) приводит к образованию т.н. *церковнославянского языка русского извода*. На этом языке написаны такие памятники как *Киевские листки*, *Фрейзингенские отрывки*, *Остромирово евангелие*, как и анализируемый XVIII-вечный памятник.

Уже в XI–XII вв. некоторые из особенностей живого языка утрачивают характер ошибок по отношению к старославянскому и начинают функционировать как новая норма: русская. К самым ранним явлениям восточнославянского характера, появившимся в текстах старославян-

⁴ W. Witkowski, *Drukarnia bazylikańska w Poczajowie – osiemnastowieczny ośrodek kultury na Wołyniu*, [w:] J. Rusek, W. Witkowski, A. Naumow, *Rękopis a druk. Najstarsze druki cerkiewnoślawiańskie i ich stosunek do tradycji rękopiśmiennej*, Kraków 1933, s. 231–236.

⁵ L. Moszyński, *Wstęp do...*, s. 292–293.

⁶ *Зографское евангелие*, *Маршинское евангелие*, *Ассеманиево евангелие*, *Саввина книга*, *Охридские глаголические листки*, *Листки Ундольского*, *Синайская псалтырь*, *Синайский евтологий*, *Синайский служебник*, *Клоцов сборник*, *Рыльские листки*, *Супрасльская рукопись*, *Хиландарские листки*, *Зографские листки*, *Енинский апостол* [в:] Р. М. Цейтлин, *О лексических особенностях языка старославянских памятников*, “Вопросы Языкознания” 1969, № 6, с. 35–47.

ской письменности, ученые относят⁷: падение и вокализацию редуцированных, деназализацию носовых гласных, наличие *č*, *ž* на месте общеславянских сочетаний **tj*, **kt'* и **dj* в положении перед гласными переднего ряда. Кроме них к этой группе относится также и ряд других, более поздних явлений, таких как, например, начальные *ro*, *lo*, полногласие, утрата *j* перед "е" в начале слова и др.

Так орфографическая и фонетическая эволюция церковнославянского языка продолжалась до XVII в. В XVII в., при патриархе Никоне, было произведено исправление церковных книг или, правильнее сказать, новый перевод их. Тогда же была определена и орфография церковнославянского языка (...). Итак, церковнославянский язык наших богослужебных книг окончательно сформировался к середине XVII в.⁸

Наверное, грамматическая сторона этого языка большим изменениям уже не подвергалась, но возможно, что под влиянием печатников, которые часто одновременно исправляли текст, появлялись элементы новые, неизвестные ни старославянскому, ни древнерусскому языку. Поэтому в данной статье проводится анализ древнерусских и старославянских черт, результатом которого должно стать также выявление фонетических черт церковнославянского языка русской редакции, характерных для этого типа памятников.

Черты старославянские

Группы **ort* **olt* в начале слова перед согласными у восточных и западных славян под циркуфлексной (нисходящей) интонацией перешли в *ro*, *lo*⁹, а под восходящей – в *ra*, *la*. В южнославянских языках, в том числе также в староцерковнославянском, при изменении начальных **ort*, **olt*, независимо от интонации, наблюдалась перестановка гласного и плавного с одновременным продлением гласного: *ort* > *rōt* > *rat*, *olt* > *lōt* > *lat*: *раба*, *рабы*, *рабѣмъ*, *работаю* из **orbъ-*; *съ радостію*, *радовахъсѧ*, *ѿ радостіи*, *радовахъсѧ* из **ordъ-*; *радостію*, *радовахъсѧ*

⁷ На основе: А. М. Селищев, *Старославянский язык ч. 1*, Москва 1951, с. 20–22; Т. Friedelówna, *Ewangelia Ławryszewski. Monografia zabytku*, Wrocław, Warszawa, Kraków, Gdańsk 1974, s. 79; L. Moszyński, *Wstęp do...*, s. 293.

⁸ Иеромонах Алипий (Гаманович), *Грамматика церковнославянского языка*, Москва 1991, с. 14.

⁹ Г. А. Хабургаев, *Старославянский язык*, Москва 1974, с. 99–100.

из *orsti- < *ordti-; раждаемое из *ordti-; приставка раз- из *orz- (< *ord, *ordz, dz > z) в словах: разѡмѣша, разѡмѣти, разѡмѣють, разѡмѣю, раздѣли, разгнѣвавса, разверзаа, растерзаа, расточи; предлог ради. Что касается начального праславянского *olt, то в исследуемом материале оно засвидетельствовано только в виде ол-: олтарѧ – без метатезы и удлинения. Но как утверждают ученые¹⁰, в старославянском языке это греческое заимствование могло появляться как в виде олтарѣ, так и алтарѣ.

Характерной чертой старославянского языка является также *неполногласие*, т.е. сочетания -ра-, -ла-, -рѣ-, -лѣ-, находящиеся в положении между согласными и развившиеся из *tort, *tolt, *tert, *telt в силу действия закона открытого слога¹¹. Развитие групп такого типа – это одно из фонетических явлений, глубоко дифференцирующих славянскую территорию¹². В этом случае уже нельзя говорить даже о частичном совпадении старославянских традиций с восточнославянскими тенденциями развития языка, так как южной метатезе (перемещению) и продлению гласного звука противопоставлено русское полногласие. И хотя оно появилось в текстах очень рано, все же, особенно в памятниках религиозного характера, слова с русским полногласием исчезают среди подавляющего количества слов, отражающих древнецерковнославянские традиции. А если еще появляются, то нерегулярно и воспринимаются как ошибка по отношению к норме. По этой причине этот памятник зафиксировал только неполногласные сочетания -ра-, -ла-, -рѣ-, -лѣ-; случаи полногласия не встречаются: странѣ, страны, градѣ, градѣ, во храмѣ, вѣратити, вѣратитѣ, возвращѣ, возвращесѧ, возвратисѧ, возвратишасѧ, здрава, двакрыты, врачѣмѣ, по брегѣ, чрево, во чревѣ, из чрева, стрегѣще, глаголы, глагола, глаголемыхѣ, гласомѣ, возгласи, проглаголати, гладѣ, гладомѣ, влаги, оублажатѣ, вблчашесѧ, вблещыте, премѣдрости, предѣ, предидетѣ, предстои, посредѣ, премоводѣ, прерѣклемо, пребываше, предитекъ, престѣпихѣ, преидемѣ, преданѣ быти, время, врѣмѧ, прѣдаша. В приведенном материале сочетания *tert представлены в двух вариантах написания: с ѣ и с ѣ (только 2 слова: врѣмѧ, прѣдаша). Подавляющее большинство примеров с ѣ вместо ѣ в неполногласных сочетаниях свидетельствует о том, что этот текст отражает

¹⁰ Сравни: там же, с. 53, Т. А. Иванова, *Старославянский язык*, Москва 1977, с. 87, а также прот. Г. Дьяченко, *Полный церковнославянский словарь*, Москва 2001, с. 13, 381.

¹¹ «(...) согласно которому каждый слог должен был заканчиваться только слогаобразующими звуками» [в]: В. Ф. Кривчик, Н. С. Можейко, *Старославянский язык*, Минск 1985, с. 55.

¹² T. Friedelówna, *Ewangelia Ławryszewski...*, s. 85.

русскую норму церковнославянского языка. В старославянском языке все такие слова имели не передаваемую в русском письме букву Ѣ¹³.

К числу старославянских особенностей следует отнести и написания Ѡ, возникшие из праславянских сочетаний *tɫ, *dl: молитва, молахѣ, молашеса, по молитиса, въ селѣхъ, на села.

На месте праславянского *dj во многих случаях встречается также свойственное старославянскому языку жд: одежда, прежде, такожде, раждаемое, ѡ рождествѣ, имамъ нѣждѣ, нѣ ѡхождаше, прихождаше, даждѣ ми.

Начиная с XII в. в канонических памятниках, как и в ранних древнерусских текстах, сочетание шт не употребляется. Его место занимает буква щ. Подтверждает это также и исследуемый источник. Здесь можно найти многочисленные примеры написания щ вместо древнерусских ч (из *tj или *kt' перед гласным переднего образования):

1. в существительных: из *tj: хищницы, свѣщникъ; из *skj: со тша-нѣемъ; из *kt' перед гласным переднего образования: ношь, дщи, ѡ дщереи;

2. в личных формах глаголов: из *tj: возвращѣ, ѡбѣщаеши, хошетѣ;

3. в многочисленных примерах в форме прич. действ. зал. наст. вр.: из *tj: слышаще, вопрошаще, ходаще, твораще, носаче, выдаче, благо-словаще, ждѣще, стрегѣще, глаголюще, назирающе, лежаща, сѣдаща, смыс-лаща, чѣдашася, имѣща, вѣрѣющымъ, глаголющимъ, чающымъ, нѣдѣющимъ, живѣщимъ, чѣдашымся, недомышляющимся, ѡметающимся, блещущимъ, возлежащимъ, выдащѣи, входящѣи, пасѣщѣи, живѣщѣи, слышачѣи, слѣжащи, трепещѣщи, глаголющѣ, коснѣщѣ, а также соѣще.

4. в инфинитивах: из *kt' перед гласным переднего образования: нареци, реци, из *tj: ѡвѣщати.

Такое безысключительное употребление на русской почве согласного щ из сочетаний *tj, *kt' – является в большой мере результатом влияния сочетаний *stj, *skj, которые как у южных, так и у восточных славян изменялись в щ¹⁴.

Все памятники старославянской письменности отражают воздействие ј на губные б, п, м, в, в результате которого возникло т. н.

¹³ С. Н. Дмитренко, *Соотношение древнерусских и старославянских черт в двух памятниках XII–XIII вв.* в: *Древнерусский литературный язык в его отношении к старославянскому*, под ред. Л. П. Жуковской, Москва 1987, с. 117–129; также А. И. Соболевский утверждает, что написание *ре* вместо старославянского *рѣ* и русского *ере* является характерной чертой церковнославянского языка русской редакции; Г. С. Баранкова, *Ранняя русская редакция «Шестоднева» Иоанна Экзарха Болгарского в: Древнерусский литературный язык...*, с. 81.

¹⁴ T. Friedelówna, *Ewangelia Ławryszewski...*, s. 87.

l epenthetikum. Его появление связано с тем, что непосредственно уподобление губного звука язычному *j* не могло осуществляться; поэтому между губным и *j* развивался переходный язычный звук *l'*, с которым *j* затем сливался. В научных трудах, посвященных проблеме реконструкции языка первых славянских церковных книг, присутствие групп *bl' p' m' v'* (< *bj *pj *mj *vj) считается самой главной фонетической чертой старославянского языка. *l epenthetikum* выступает также, очень регулярно, в Яблочинском евангелии: *блудитѣсѧ, на зѣмли, гиблю, прїѣмлютъ, вземлетъ, корабль, сынъ авраамль, марїа їакввлѧ, въ домъ ѱїакввлѧ, явленїѣ, во днѣ явленїѧ, избавленїѣ, крѣплѧшесѧ, блѣгословѧше, подавлѧютсѧ, пристѣплѧши, пристѣплѧше*. Но встречаются также слова, в которых оно не появляется: *блѣгословѧ, блѣгословѧтъ, блѣгословѧ, блѣгословѧще, дивѧше, ѿкровенїѣ*.

Как нетрудно заметить, это изменение касается только середины слов – в начале слов группы *bl' p' m' v'* сохраняются. Такое отсутствие характерно только болгарскому языку и языкам западнославянским. Из этого могло бы вытекать, что, хотя исследуемый памятник напечатан в Святой Киево-Печерской Лавре (Украина), его текстом-источником, с которого был набран, могло быть болгарское евангелие. Для И. Тота отсутствие *l epenthetikum* в непервом слове – черта инославянская, которую он относит к одному из явлений церковнославянского языка русской редакции¹⁵.

К числу старославянских особенностей следует также отнести написания с протетическим [j] в начале слова перед [e] и [y]. Буква *к* полностью отсутствует; на ее месте последовательно выступает простое *є* и *ѣ*¹⁶, обозначающее так [e] как и [je]: *ѣгда, єсмь, єдинъ, єдинѣ, єдиномѣ, єдинагѣ, єдинородна, єзеро, єзера*. Но не встречается ни один пример с начальным *о*¹⁷ (древнерусская фонетическая черта) на месте древнецерковнославянского *є, ѣ*.

¹⁵ В. М. Живов, *Проблемы формирования русской редакции церковнославянского языка на начальном этапе (По поводу книги И. Тота «Русская редакция древнеболгарского языка в конце XI – начале XII вв.»)*, «Вопросы Языкознания» 1987, № 1, с. 46–65.

¹⁶ *є* пишется в начале, а *ѣ* в середине и конце слов. Кроме того, буква *є* употребляется для отличия падежей двойственного и множественного чисел от совокупных им падежей единственного числа, [в:] Иеромонах Алипий (Гаманович), *Грамматика...*, с. 18.

¹⁷ Многие исследователи пытались объяснить это явление изменением начального *к* в *о*, т.е. отпадением начального *j* и переходом *є* в *о*. Однако и в настоящее время трудно объяснить это фонетическое явление, [в:] В. Ф. Кривчик, И. С. Можейко, *Старославянский...*, с. 54.

Что касается начального *ju, то в памятнике выступают не только случаи с [j] протетическим (в виде ю): юнѣйшій, южика, но и без него (в виде оу): оужики, оуже, оузы. В указанных примерах одно и то же слово выступает в двух разновидностях: южика (ст.-сл.) и оужики (др.-русс.). Этот языковой факт может свидетельствовать о том, что или издатели евангелия совершили ошибку и под влиянием разговорной речи написали букву оу, или ввели ее для более точного различения родов этого существительного: южика – родственница, оужики – родственники.

В данном материале кроме традиционного написания а в начале слова, напр.: азъ, аце, можно найти несколько примеров, отражающих появление протетического [j] перед [а]: ѡвити, ѡвленіе, на ѡгодиннѣ (*agoda). Особенный интерес вызывает последнее слово. Возможно, что такое типично русское написание связано прежде всего с его принадлежностью к разговорному пласту лексики.

Черты древнерусские

В Яблочинском евангелии нашли отражение самые древние фонетические процессы, стоящие на грани между старославянской письменностью и письменностью церковнославянского языка разных редакций. Имеются в виду падение редуцированных и деназализация носовых гласных,

Яблочинский памятник XVIII в. частично сохраняет редуцированные согласно старославянской традиции, а частично отражает явления живого русского языка. Но чтобы не перегружать статьи мало интересным, а одновременно довольно очевидным материалом, приводится только по несколько примеров, демонстрирующих этот процесс:

а) *ъ>о *со мною, во старости, сотвори, гладомъ, гласомъ, бѣсомъ, возрастомъ, возопи, исполнишася, молча, вонъ, страхомъ, восхнѣаше,

б) *ъ>е окрестъ, весь, изшедъ, вземлетъ, лицемъ, днесь, врачемъ, неправедницы, день, вшедше, перстень, терніе, дерзай;

в) *ъ>ѡ дщи, свершаютъ, птицы, много, мнѣ, притча, два, изгнавъ, падшее, вшедше, гдѣ, въниде, взыскати, входятъ, здрава, кто, разгнѣався;

г) *ъ>ѡ что, всѣмъ, днесь, всехъ, всей, тѣмже, праведна, наемникѡмъ, всакъ;

Как показывает таблица № 1, гласные ѣ, ѡ последовательно сохраняются в конце слова, так как, кажется, это самая простая, связанная с написанием редуцированных орфографическая норма, которую нетрудно было запомнить. Положение в середине слова не способство-

Таблица № 1

Редуцированные в отдельных частях памятника

глава	сохраненные	
	конец	середина
1, 5–25	73	0
1, 26–38	45	0
1, 39–49,56	30	0
1, 5768,76,80	55	0
2, 22–40	58	1
8, 5–15	38	0
8, 16–21	21	0
8, 22–25	22	1
8, 26–39	49	1
8, 41–56	38	0
15, 11–32	71	0
18, 10–14	16	0
19, 1–10	33	0
24, 1–12	38	0
24, 36–53	61	0

вало их сохранению, поэтому те, которые находились в слабой позиции совсем исчезли, а в сильной – совпали с гласными звуками полного образования о, е. В анализируемом материале редуцированные сохранились только в 3 словах: **обонѣполѣ**, **ѣнѣполѣ** и **ѣсмѣ-десѣтъ**, причем **ѣнѣполѣ** – это вариант **обонѣполѣ** («на том берегу»), написанный в сокращении, а написание **ѣ** в середине слова **ѣсмѣ-десѣтъ**, может быть связано, во-первых, с совсем другой письменной нормой, которая требовала кончить строку гласным звуком или **ѣ**, **ѣ**. Поэтому в данном слове наблюдается вторичный редуцированный¹⁸. Но это только один пример. В остальных случаях слова, которые подвергаются перенесению в другую строку, хотя оканчиваются согласным, не имеют при себе редуцированного: **быв-ше**, **блещѣщих-сѣ**, **выш-нагѣ**, **слышав-ши**, **ѣметающим-сѣ**,

¹⁸ Шире о вторичных редуцированных [в:] T. Friedelówna, *Ewangeliaarz Ławryszewski...*, s. 106–107.

ПОД-ЛАГАЕТЪ, ВОЗ-ГЛАСИ, ВОЗ-ЛАГАЕТЪ, СЦЕН-НИЧЕСТВА, ОБ-ЛОБЫЗА, ИС-ПОЛНИТСА, БЫВ-ШИМЪ, ОБОЛ-ЧЕНА, ИЗ-ГНАВЪ, ВОЗ-ДВИГЪ, ДОН-ДЕЖЕ. Этот факт может свидетельствовать о том, что эта орфографическая норма в XVIII в. уже не существовала. Во-вторых, написание ъ в середине слова ѿсѣмь-дѣсѣтъ можно связать с тем, что этот числительный состоит из 2 самостоятельных слов, а, как упоминалось выше, все слова в старославянском языке сохраняли в конце гласные ѣ, ѧ.

Префиксы *sъ-, *vъ-, *vъz-, *vъs-, почти во всех случаях, независимо от следующих гласных, появляются в формах со-, во-, воз-, вос-, (т.е. слабые редуцированные сохраняются и дают гласные полного образования), напр.: сотвори, согрѣшихъ, вопрошахъ, востаніе, восхитиаше, возопи, возрадовася. В. И. Борковский объясняет этот факт их «книжным источником». Слабые редуцированные, как особые звуки, дольше сохранились в церковном чтении, а особенно в пении. И когда редуцированные гласные окончательно исчезли из языка, эти сохранившиеся редуцированные заменились в произношении гласными полного образования¹⁹. Исключением является только одно слово, когда редуцированный ѣ в префиксе *sъ-, согласно закону исчезает, а остается форма свершаютъ, почти невозможная для произнесения. По причине того, что это только один пример, такое написание можно воспринимать как печатную ошибку.

Так как падение редуцированных совершилось, нет возможности точного определения еще одной очень показательной черты, отличающей язык старославянский от древнерусского, а именно сочетаний редуцированных с плавными типа *tъrt, *tъlt, *tъrt, *tъlt. Старославянская норма требовала написаний *trъt, а древнерусская – *tъrt, т.е. с буквой плавного после гласного. В исследуемом памятнике место редуцированных заняли гласные о, е, но поскольку гласные о, е выступают перед плавными, следует считать, что сочетания эти возникли из древнерусских *tъrt, *tъlt, например: дерзай, перси, терніа, превѣю, перстень, исполнися, мертвъ.

Вторым языковым явлением, отразившимся как в памятниках старославянского характера, так и древнерусских, является деназализация носовых гласных.

Юс большой почти неизвестен уже в рукописях второй половины XII и XIII вв. Но с конца XIV, в XV столетии, в связи с так называемым

¹⁹ В. И. Борковский, П. С. Кузнецов, *Историческая грамматика русского языка*, Москва 1965, с. 103.

«вторым южнославянским влиянием», он снова на некоторое время появился, но потом окончательно исчез в петровское время²⁰. Как показывает приведенный ниже материал юс большой **ж** (**ѣж**), используемый в старославянском языке для обозначения **ѣ** носового, не употребляется. Вместо его постоянно пишутся **ѡѣ**, **ѣ** (**ю**), что свидетельствует уже о неносовом характере гласного в языке издателей.

Целесообразным в описании употребления юсов считается распределение материала на:

1) случаи с **ѣ**, **ю** вместо старославянских в окончаниях имен существительных, прилагательных, местоимений и глаголов:

а) в вин. п. ед. ч. существительных с основой на ***ā** ***jā**: **молитвѣ**, **жертвѣ**, **рѣкѣ**, **странѣ**, **ризѣ**, **силѣ**, **винѣ**, **одеждѣ**, **хвалѣ**, **ногѣ**, **безднѣ**, **винѣ**, **славѣ**, **дщицѣ**, **сѣбѣотѣ**, **землю**, **на выю**, **галілею**, **десѣтинѣ**; в твор. п. ед. ч. существительных с основой на ***ā** ***jā**: **четверницею**, **сторицею**, **силою**, с основой на ***ī**: **радостію**, а также с основой на согласный женского рода, например: **десѣтію**;

б) в вин. п. е. ч. полных прилагательных женского рода: **изшедшѣю**, **великѣю**, **первѣю**, **достойнѣю**, **гадаринскѣю**;

в) в твор. п. е. ч. жен. р. личных, указательных и притяжательных местоимений: **мною**, **тобою**, **нею**, **ею**, **своею**; в вин. п. ед. ч. жен. р. указательных и притяжательных местоимений: **за нюже**, **свою**;

г) в личных формах глаголов наст. вр.: **работѣю**, **разѣмѣю**, **знаю**, **послѣю**, **прикоснѣсѣ**, **разѣмѣютѣ**, **пріѣмѣютѣ**, **вѣрѣютѣ**, **свершѣютѣ**, **избѣваютѣ**, **сѣдѣтѣсѣ**, **гнѣтѣтѣ**, **сѣтѣ**, **имѣтѣ**, а также в 3 л. мн. ч. имперфекта с окончанием **-хѣ**: **нарѣцахѣ**, **оугнѣтахѣ**, **вопрошѣхѣ**, **идѣхѣ**, **бѣхѣ**, **молѣхѣ**, **можахѣ**, **вѣзахѣ**, **рыдахѣ**, **рѣгахѣсѣ**, **плакахѣсѣ**, **радовѣхѣсѣ**, **чѣдѣхѣ**;

2) случаи с **ѣ**, **ю** вместо старославянских **ж**, **ѣж** в суффиксе причастия действительного залога наст. вр.: **ждѣще**, **глаголюще**, **стрѣще**, **идѣщимъ**, **чающимъ**, **вѣрѣющимъ**, **живѣщи**, **пасѣщи**, **живѣщихъ**;

3) случаи с **ѡѣ**, **ѣ** в корнях слов: **мѣжа**, **мѣжеска**, **вѣ мѣдрости**, **ѡкѣдѣ**, **орѣжѣ**, **при пѣти**, **не мѣчи**, **голѣбина**, **сосѣдомъ**, **ѡсѣбѣотѣ**, **чѣдишѣсѣ**, **ѡзы**, **смѣтѣсѣ**, **сѣдѣтѣсѣ**, **блѣдно**, **шѣрѣченнѣи**;

Что касается юса малого **ѡ** (**ѡ**), используемого в старославянском языке для обозначения **ѡ** носового, то в приведенном ниже материале **ѡ** (**ѡ** не встечается), также не обозначает уже носового гласного.

В Яблочинском памятнике встречаются четыре вида написаний

²⁰ 1708 – 10 реформа азбуки [в:] П. Я. Черных, *Историческая грамматика русского языка*, Москва 1952, с. 89.

этого гласного: 1) этимологически правильное написание **ѡ**, 2) написание **ѡ** вместо **ѡ** или **ѡ**, 3) написание **ѡ** вместо **ѡ** и 4) **ѡ** вместо **ѡ**.

Этимологически правильное написание **ѡ** (из ***ѡ**) появляется в памятник в следующих случаях:

а) в корнях слов, напр.: **пѡть**, **десѡтинѡ**, **двоюнадесѡте**, **мѣсѡць**, **козѡлатѣ**;

б) в суффиксах и окончаниях действ. прич. наст. вр.: **ходѡще**, **хвалѡще**, **хотѡще**, **творяще**, **вѣдаѡще**, **видаѡще**, **чѡдаѡщимсѡ**, **носѡще**, **сѣдаѡща**, **смыслаѡща**, **чѡдаѡщасѡ**; глагола **ѡ**, **бѣгословаѡ**;

в) в окончаниях им.-вин. п. ед. ч. существительных с основой на ***п**: **имѡ**, **вреѡ**, **сѣѡ**;

г) в местоимениях: **всѡ**, **-сѡ** (**вознесетсѡ**, **смиритсѡ**); **мѡ**, **тѡ**;

д) в 3 л. мн. ч. глаголов наст. вр.: **входѡтъ**, **стоѡтъ**, **творѡтъ**, **видѡтъ**;

Неправильное написание **ѡ** вместо **ѡ** или **ѡ** наблюдаем в:

а) в окончаниях 3 л. ед. ч. имперфекта, напр.: **бѡше**, **хотѡше**, **молѡше**, **помышлѡше**, **крѣплѡшесѡ**, **имѡше**, **сѣѡше**, **даѡше**, **живѡше**, **растѡше**. Рядом с ними появляется также правильное окончание **-ѡше**: **желѡше**, **оумираѡше**, **возношѡше**;

б) в окончаниях 3 л. мн. ч. имперфекта, напр.: **бѡхѡ**, **молѡхѡ**, **вѡдѡхѡ**, **чѡдѡхѡ**;

в) в личных формах глагола наст. вр.: **подавѡютсѡ**;

г) в окончаниях им. п. существительных ед. ч. жен. р., напр.: **бѡра**;

д) в им.-вин. п. мн. ч. существительных ср. р. мягкого варианта, напр.: **помышленѡ**, **писанѡ**, **вчищенѡ**;

е) в им. п. е. ч. прилагательных жен. р., напр.: **вѣтрѡнаѡ**, **бѣгодѡтнаѡ**, **гѡнаѡ**;

ж) в род. п. ед. ч. прилагательных муж. р. мягкого варианта, напр.: **вышнѡго**;

з) в род. п. ед. ч. существительных муж. и ср. р. с основой на ***јѡ**, напр.: **краѡ**, **царѡ**, **олтарѡ**, **целованѡ**, **явленѡ**, **избавленѡ**, **цѣртѡ**, **тернѡ**;

Что касается неправильного написания **ѡ** вместо **ѡ**, то оно появляется:

а) в корне таких слов как: **чадо**, **отрѡча**, **начѡша**, **зачѡтѡ**;

б) в 3 л. мн. ч. глаголов наст. вр.: **держѡтъ**, **удержѡтъ**, **оублажѡтъ**, **оуслышѡтъ**;

в) в 3 л. мн. ч. сигматического аориста, напр.: **бѣѡша**, **разѡмѣѡша**, **слыѡша**, **рѣѡша**, **положиѡша**, **возвѣстѡша**, **пондоѡша**, **поклониѡшасѡ**, **бѣжаѡша**, **начѡша**, **оуготовѡша**, **даѡша**, **явѡшасѡ**, **взыдоѡша**, **исполниѡшасѡ**;

г) в суффиксе причастия действ. зал. наст. вр.: слышащє, слѣжащїи, слышащымъ, слышащїи; молча, оуслыша;

Написания **ѣ** вместо **ѡ** немногочисленные. Можно найти только несколько примеров в начале слов, напр.: **ѣже**, **ѣвнѣ**. Чаще всего на месте этимологического **ѡ** пишется **ѡ** или **їѡ**, например: в окончаниях род. п. ед. ч. полных и кратких прилагательных женского рода: **днєвныѡ**, **противныѡ**, **нѣныѡ**, **гадаринскїѡ**, **дрѹгїѡ**, **прочїѡ**, **божїѡ**, **гднѡ**, **їаковѡ**; в окончаниях действ. прич. наст. вр., напр.: **стоѡ**, **чаѡ**, **дѣѡ**, **радѹѡсѡ**; в местоимениях, напр.: **своеѡ**, **ѡ**.

Из приведенного материала можно сделать несколько выводов. Во-первых, в силу влияния со стороны разговорной речи, **ѡ** (*ѣ) утратило свой носовой характер и стало употребляться в том же значении, что **ѣ** и **ѡ** – обозначая звук [a] или [a], но с тенденцией разграничения в употреблении:

- **ѣ** в начале слова, напр.: **ѣвишасѡ**, **ѣвнѣ**, **ѣвлено**, **ѣвленїе**, **ѣко**;
- **ѡ** после парных смягченных согласных **л**, **р**, **н**, **п**, **т**, **в**, **с**, напр.: **бѹрѡ**, **вѣ**, **царѡ**, и после гласных, в начале слога, напр.: **вѣтрєнѡѡ**, **стоѡ**, **чаѡ**, **ѡ**, **моѡ**. Во-вторых, замена **ѡ** через **ѡ** наступает в позициях после **ж**, **ш** и **ч**. Данное явление не свидетельствует об отвердении этих звуков²¹, а скорее объясняется как результат особой артикуляции шипящих согласных, независимой от их отвердения: при мягком их произношении произошла диссимиляция между палатальной артикуляцией согласного и артикуляцией гласного **ѣ** (*ѣ)²². На письме новый звук стал обозначаться буквой **ѡ**, но он не тождественный звуку, выступающему, напр., в слове **ѡра** (эта гласная заднего ряда, а **ѡ** после шипящих согласных возникла из **ѣ** или **ѣ** – гласных переднего ряда). Поэтому **ѡ**, как гласная не заднего, а скорее среднего, а даже переднего ряда может сочетаться с мягкими согласными (с мягкими согласными не могли сочетаться только гласные заднего ряда). В. М. Живов²³ такое явление называет *нейтрализацией гласных по ряду*. В-третьих, поскольку до XIV в. шипящие были мягкими, не было никакого смысла ставить после **ж**, **ш** и **ч** йотированные буквы, так как в этом случае возникло бы двойное обозначение мягкости: и буквой самого согласного, и последующей буквой для гласного. Поэтому после этих согласных ставили **ѡ**.

²¹ Написания **ѣна** **ѡа**, **ѣа** встречаются и в древнейших текстах, но это явление не связано с отвердением шипящих; отверждение происходило с XIV в. и отразилось в написании букв **ѣ**, **ѡ** после **ж**, **ш**; шире см. [в:] К. В. Горшкова, Г. А. Хабургаев, *Историческая грамматика русского языка*, Москва 1981, с. 77–78.

²² А. М. Селищев, *Старославянский...*, с. 260–264.

²³ В. М. Живов, *Проблемы формирования...*, с. 46–65.

Таким образом, наличие в анализируемом тексте большого количества написаний **а** или **ѡ** вместо **ѧ** или **Ѣ** наряду с этимологически правильными написаниями **ѧ** и **Ѣ** вместо **а** или **ѡ** со всей очевидностью свидетельствует о сильном древнерусском влиянии на старославянскую письменность, которое привело к выработке церковнославянского языка русской редакции.

Как упоминалось раньше, написание **а** после шипящих согласных не свидетельствует об их отвердении, но это не значит, что в Яблочинском памятнике они остаются мягкими. Так как этот процесс начался в XIV в., его результаты наблюдаем и в исследуемом евангелии XVIII в. Об этом свидетельствуют написания **ъ**, а прежде всего **ы**²⁴ – гласных переднего ряда, которые не могли сочетаться с мягкими шипящими: **мѣжъ**, **прочымъ**, **оушы**, **испрошъ**. Но такие примеры немногочисленны. В большинстве случаев после **ж**, **ш** пишется **и**: **живѹщїи**, **живый**, **оживѣ**, **житѣль**, **оужики**, **положиша**, **приблѣжисѧ**, **зачнеши**, **родиши**, **во оушїю**, **наречеши**, но это не значит, что они мягкие. Написание **и** после **ж**, **ш** является историческим, традиционным, напоминающим о древней мягкости шипящих. Согласная **ч** в данном памятнике осталась мягкой: **величитъ**, **возвеличитъ**, а **ц** встречается как мягкое, например: **нощ**, **дци**, **живѹщихъ**, **глаголюци**, **слѹжащи**, так и твердое, например: **чаючимъ**, **нищымъ**, **глаголющимъ**, **вѣрѹющимъ**, **идѹчимъ**, **чѣдачимсѧ**, **шметаючимсѧ**, **домышляючимсѧ**. Возможно, что написание **ы** после **ц**, хотя может быть доказательством явлений, происходящих в некоторых восточнославянских языках, например, в белорусском, надо рассматривать прежде всего с точки зрения морфологии, а не фонетики.

Что касается аффрикаты **ц**, то этот звук также, как и согласные шипящие **ж**, **ш**, отвердел. Подтверждают это следующие примеры: **телецъ**, **мѣсѣцъ**, **врожецъ**, **оученицы**, **хщеницы**, **неправѣдницы**, **человѣцы**, **убѣщцыте**. Только одно слово: **сердецъ**, пишется с **ь** после аффрикаты **ц** и напоминает о принадлежащей ему когда-то мягкости. Такой пример может подтверждать мнения ученых, утверждающих, что процесс отвердения **ц** происходил намного позже (указания на его твердость есть с XVI в.), чем шипящих **ж**, **ш**, и в XVIII в. согласный **ц** еще не всегда был твердым. Как утверждает В. Т. Орлова, **ц** в настоящее

²⁴ К. В. Горшкова, Г. А. Хабургаев, *Историческая грамматика...*, с. 77; В. И. Борковский, П. С. Кузнецов, *Старославянский...*, с. 160, а также В. В. Иванов, *Старославянский...*, с. 256 вообще считают, что об отвердении согласных *ж, ш, ц* свидетельствует только одно написание – с буквой *ы*.

время остается мягким в значительной части северо-восточно-русских диалектов²⁵, а также в украинском языке.

Изменению, по отношению к старославянской традиции, подверглись также сочетания **кы, гы, хы**, которые в исследуемом материале встречаются только в виде **ки, ги, хи**²⁶, напр.: **оутѣхи, хищницы, восхиташе, во вѣки, нѣкій, лики, житейскими, гадаринскѣм, сапоги, влаги, изгнѣль, погнѣаемъ, погнѣшаго, многи, многихъ, со дрѣги, дрѣгѣи, дрѣгѣм**. Однако в тех случаях, где произошла замена **ы** посредством **и**, смягчение заднеязычных не происходит. Это вызвано тем, что процесс вытеснения сочетаний **кы, гы, хы** сочетаниями **ки, ги, хи** произошел гораздо позже, чем палатализация этих согласных под влиянием гласных переднего ряда, и это дало возможность их свободного существования без изменения в **ч, ж, ш**.

Подытоживая, можно сказать, что как по содержанию, так и по отношению к фонетическим старославянским языковым явлениям Яблочинское евангелие, хотя и возникло поздно по сравнению с каноническими текстами, тесно связано со старославянской традицией. Но одновременно появляются и древнерусские черты, соотношение которых можно представить в виде таблицы № 2.

Как показывает приведенное сопоставление, в исследуемом Яблочинском евангелии нет четкого распределения старославянских и древнерусских фонетических черт. В анализируемом тексте почти каждое фонетическое явление зафиксировано одновременно в двух видах (например, **южика – оужики, время – врѣмѣ**). Это написание может свидетельствовать о живом проникновении в письменную речь древних элементов и о совместном существовании старославянских и древнерусских черт в текстах религиозного содержания. Важно также отметить факт, что часто в одном и том же слове оказываются возможными как древнерусские, так и старославянские черты (например, **Ѡвѣщаша** – наличие **Ѡ**, а не **ч**, но **ѣ**, а не **ѧ** в 3 л. мн. ч. аориста). Это также свидетельствует о восприятии тех и других черт как вполне допустимых и сосуществующих. Одновременно, такое накопление элементов двух языков в одном тексте не позволяет нам причислить его только к памятникам старославянской традиции или только древнерусской.

²⁵ В. Т. Орлова, *Типы употребления аффрикат как различительный признак русских говоров*, «Вопросы Языкознания» 1957, № 1, с. 3–17.

²⁶ Группы *ki, gi, xi* считаются диалектными особенностями южнорусских и новгородских памятников [в:] Т. Friedelówna, *Ewangelia z Ławryszewski...*, s. 122.

Таблица № 2

**Соотношение старославянских и древнерусских черт
в Яблочинском евангелии**

	старославянский язык		древнерусский язык		другие написания
носовые *e, *a	Ѧ, ѦѦ, ѦѦ, ѦѦ, в значении *e, *a	—	отсутствуют	+	смешание букв Ѧ, ѦѦ, ѦѦ
редуцированные Ѧ, Ѧ	Ѧ, Ѧ	+	о, Ѧ	+	Ѧ, Ѧ, о, Ѧ
l epenthetikum после губных	ѦѦ, ѦѦ, ѦѦ, ѦѦ,	+	ѦѦ, ѦѦ, ѦѦ, ѦѦ,	+	отсутствует в непервом слоге
сочетания *tl, *dl	Ѧ	+	Ѧ	+	
начальные *or, *ol	ѦѦ-, ѦѦ- ²⁷	—	ѦѦ-, ѦѦ-, ѦѦ-, ѦѦ- ²⁸	+	
сочетание *tert	-ѦѦ-	—	-ѦѦ-	—	-ѦѦ-
группы типа *tort	-ѦѦ-, ѦѦѦ-	+	-ѦѦѦ-, ѦѦѦѦ-	—	
сочетания Ѧ, Ѧ с плавными	-ѦѦ-, -ѦѦѦ-, -ѦѦѦ-, -ѦѦѦѦ-	—	-ѦѦѦ-, -ѦѦѦѦ-, -ѦѦѦѦ-, -ѦѦѦѦѦ-	—	-ѦѦѦ-, -ѦѦѦѦ-, -ѦѦѦѦѦ-, -ѦѦѦѦѦѦ-
сочетание *tj, *kt	ѦѦѦ	—	ѦѦѦ	+	ѦѦѦѦ
сочетание *dj	ѦѦѦ	+	ѦѦѦ	+	
начальное e	ѦѦѦ	+	ѦѦѦ	—	
начальное u	ѦѦѦ	+	ѦѦѦѦ	+	
начальное a	ѦѦѦ	+	ѦѦѦѦ	+	
сочетания кѦ, гѦ, хѦ	ѦѦѦѦ, гѦѦѦѦ, хѦѦѦѦ	—	ѦѦѦѦ, гѦѦѦѦ, хѦѦѦѦ	+	

+ обозначает присутствие данного явления

— обозначает отсутствие данного явления

Фонетический анализ исследуемого памятника отражает адаптацию старославянского языка на русской почве и подтверждает его принадлежность к церковнославянской традиции, но русской редакции. Как показывает исследование, этот язык унаследовал все главные фонетические черты своего предшественника, использовал некоторые достижения древнерусского и выработал собственные²⁹. Итак, мож-

²⁷ Независимо от интонации.²⁸ Под акутовой интонацией: ѦѦ-, ѦѦ-; под циркуфлексной: ѦѦѦ-, ѦѦѦ-.²⁹ Т. Rott-Żebrowski утверждает, что церковнославянский язык русского извода имел все черты старославянского, см.: *Historia rosyjskiego języka literackiego*, Lublin 1984, s. 19. Исследуемый памятник этого не подтверждает, как и не соглашаются с этим мнением другие исследователи: В. М. Живов, *Проблемы формирования русской редакции...*, с. 48; Г. С. Баранкова, *Ранняя русская редакция...*, с. 77–89.

